

Ф.Г. Жарский

Сенька Клевшин

Персонаж рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича, один из товарищей Ивана Денисовича Шухова по лагерю, — тихий, глуховатый, «бедолага», по определению Шухова. «Ухо у него лопнуло одно еще в сорок первом. Потом в плен попал, бежал три раза, сунули в Бухенвальд». В Бухенвальде Клевшин чудом избежал смерти, теперь сидит в советском каторжном лагере. Посадили его на двадцать пять лет за то, что «с американцами два дня жил». «Теперь отбывает срок тихо. Будешь залупаться, говорит, пропадешь».

Это Шухов понимает. «...Кряхти да гнись. А упрешься — переломишься». Теперь Клевшин «терпельник, все молчит больше: людей не слышит и в разговор не вмешивается. Так про него и знают мало, только то, что он... в Бухенвальде... в подпольной организации был, оружие в зону носил для восстания. И как его немцы за руки сзади спины подвешивали и палками били».

Клевшин крупный мужчина, и это усугубляет его страдания в лагере. «У него, несчастного, — жалеет Клевшина Шухов, — сорок шестой размер, валенки ему подобрали от разных пар, тесноватые». На морозе Клевшину приходится постоянно постукивать нога об ногу.

Бригадир ставит Клевшина на кладку стены в паре с Шуховым. Они тут самые надежные работники, выполняющие главную работу — каменщиков. С ним, глухим, «много не поговоришь, да с ним и говорить незачем: он всех умней, считает Шухов, без слов понимает». В опасности «никогда Клевшин в беде не бросит. Отвечать — так вместе».

Хотя Клевшин и тихо живет, «не вылупляется», но когда необходимо, и он вместе с товарищами, с бригадой. Когда, например, строительный десятник Дэр грозит бригадирю Тюрину третьим сроком, Клевшин среди тех, кто поддерживает бригадира в его отпоре. «...И Сенька, даром, что глухой, — понял: тоже руки в боки и подошел. А он здоровый, леший».

Клевшин не оставляет Шухова, задержавшегося на кладке стены и опаздывавшего в строй. Им обоим грозит опасность со стороны конвоя и ждущих на морозе пятисот заключенных, торопящихся с работы в бараки. При их появлении «сотни глоток сразу... заулюлюкали: и в мать их, и в отца, и в рот, и в нос, и в ребро... Так орут — Даже Сенька многое услышал, дух перевел да как завернет со своей высоты! Всю жизнь молчит — ну и как гахнет! Кулаки поднял, сейчас драться кинется». И разъяренная толпа замолчала. Обстановка разрядилась.

«Эй, сто четвертая! Так он у вас не глухой? — кричат. — Мы проверяли. Смеются все. И конвой тоже».